

Наталья ГОРЯЧЕВА

РАХМАНИНОВ И БЁКЛИН. ОСТРОВ МЕРТВЫХ

*Там, где слово превращается в линию,
а цвет – в звук, рождается истинное искусство.*

Так много написано по поводу синтеза искусств, и кажется, что на первом месте рядом с музыкой должна стоять литература, ведь именно «слово» становится гештальтом, источником, рождающим оперы, романсы, песни, балет. Но, как ни странно, многие великие ставили литературу ниже изобразительного искусства. К примеру, Леонардо да Винчи. Он считал сестрой музыки вовсе не литературу, а живопись. Его утверждение кажется несколько натянутым, но великий итальянец по-своему прав – изобразительное искусство и музыка контактируют друг с другом

не реже, чем поэзия с музыкой. И примеров тому масса. Об одном из них и пойдет речь сегодня. Это симфоническая поэма Сергея Рахманинова «Остров мертвых». Думаю, многие моментально провели параллель со знаменитой картиной швейцарского художника-символиста Арнольда Бёклина. Так и есть. Рахманинов создал свое творение, будучи под сильным впечатлением от черно-белой репродукции «Острова мертвых».

Полотно рисует место вечного покоя, где нет ни тревог, ни мирской суеты, ни времени. От этой работы пробирает до самых костей. Причем на полотне нет ни черепушек, ни чертей, ни чудовищ, всего лишь затерянный где-то в море или океане таинственный остров, окруженный с трех сторон высокими мрачными скалами. На нем растут кипарисы, словно свечи, устремленные в небо, и лодка с посредником между мирами везет саркофаг.

В этом сюжете есть что-то от античного мифа, рассказывающего о душах умерших, которые находят свой последний приют на уединенном острове. Помните подземные реки Стикс, Ахерон и лодочника Харона, переправляющего души усопших? Именно такие ассоциации и вызывает эта картина. Кипарисы, конечно же, растут здесь не случайно. В Южной Европе их считают знаками смерти. По крайней мере, так говорят. На самом же деле с античных времен кипарисы считаются символами вечной жизни, потому-то итальянцы и высаживают их на кладбищах, возле монастырей и церквей, чтобы показать переход от конечного к бессмертию.

Арнольд Бёклин создал пять вариантов «Острова мертвых». При этом он не копировал первый вариант. Основа композиции у него, конечно же, сохранялась, но размеры, гамма и освещение менялись. За счет этого преображалась и атмосфера – от сумрачной безнадежности до возвышенной скорби. Странная штука, полотно заставляет задуматься не столько о бренности земной жизни, сколь о величии смерти.

Арнольд Бёклин. Остров мёртвых

Пишут, что заказ на эту картину Бёклин получил от мецената Александра Гюнтера. Работа была в самом разгаре, когда в 1880-м в мастерскую живописца вдруг явилась его поклонница, некая вдова Мария Берна. Она собиралась замуж во второй раз и попросила написать полотно, которое будет символизировать грусть по умершему супругу, некую «картину для грез», таинственный остров. Может, ее мучили сомнения или угрызения совести, или просто хотелось заполучить картину от любимого художника, об этом история умалчивает. В общем, решила дама почтить память ушедшего супруга. Бёклин за заказ взялся с удовольствием. Ну еще бы! Такое удачное совпадение. Идея вроде как одна, а годится сразу для двух клиентов. Вскоре полотно было готово. Пишут, в первой версии в лодке, направляющейся к острову, была лишь таинственная фигура в белом саване, и вдове это не устроило. Она попросила добавить сидящую на веслах женщину. Однако это всего лишь легенда, поскольку и на первом, и на втором варианте «Острова мертвых» в лодке не было ни белой фигуры, ни саркофага. Художник дописал их позднее. Однако, согласитесь, мысль-то интригующая, если бы и впрямь дама пожелала стать перевозчиком души мужа в мир иной, учитывая, что она вот-вот собирается выскочить замуж во второй раз.

Третью версию «Острова мертвых» Бёклин создал для коллекционера Фрица Гурлитта, четвертая родилась из-за финансовых трудностей, но была утеряна во время Второй мировой, а пятую, которой так вдохновился Рахманинов, художник написал для музея изящных искусств в Лейпциге. Кстати, любопытная деталь. Рахманинов позже говорил, что если бы увидел оригинал этой картины в цвете, то вряд ли бы создал свою поэму. Его потрясла именно черно-белая репродукция, ее монохромная скупость, усилившая погружение в мистический сюжет.

Бёклиновский «Остров» пользовался невероятной популярностью. На рубеже веков сложно было найти немецкую гостиную, в которой бы не висела репродукция «Острова мертвых». Полотно без единого выстрела завоевало и Россию, и Европу. Репродукция «Острова» украшала кабинет Зигмунда Фрейда, висела над кроватью Ленина в Цюрихе. Гитлер, не довольствуясь репродукцией, купил третью версию картины. В общем, можно без преувеличения говорить о феноменальном попадании в символы эпохи, в это всеобщее

«предчувствие надвигающегося мрака». Некоторые искусствоведы потом даже говорили, мол, Бёклин посредственность, потому-то и стал так популярен. Конечно же, это ерунда. Популярность не может являться признаком посредственности. Не обязательно становиться революционером в искусстве, чтобы потом тебя причислили к классикам. Более того, не каждый рожден стать авангардистом.

На первый взгляд, Арнольд Бёклин не привнес в искусство ничего нового, если судить по его технике, выбору сюжетов и стилевой манере. Новаторство Бёклина лежит в другой области – в «духовном плане». То, как он чувствовал этот мир, как его описывал. Он создавал полотна, в которых реальность

уживается с вымыслом, причем вымысел выглядит гораздо правдоподобнее реальности. Недаром его так любил метафизик де Кирико и сюрреалисты.

Кстати, критики долго спорили, какой же ландшафт послужил гештальтом для Бёклина. Предполагали, что это либо остров Искья, либо уголок Тосканы. Но потом здравый смысл восторжествовал, споры прекратились. Ведь художник изображал не какой-то конкретный пейзаж, не в этом был смысл. Он размышлял о том, что может скрываться за тайной завесой смерти. Его «Остров мертвых» – картина-видение, мир молчания, непостижимый, закрытый для зрителя, а потому такой притягательный. Этим он и зацепил многих композиторов, в том числе и Сергея Рахманинова. В одном из интервью, размышляя о том, как рождается его музыка, маэстро сказал: «Сочиняю я медленно. Долго гуляю на лоне природы. Мои глаза охватывают отблески света на свежей от дождя листве, тихий шепот деревьев в лесу или бледные оттенки неба на горизонте, и в душе возникают голоса – все сразу. Не так, что капля здесь, капля там, а всё разом – вырастает целое. “Остров мертвых” написан в апреле и мае. Когда он возник, как это началось? Он просто возник, и я его принял как дорогого гостя, и записал».

Интересно, если послушать центральную часть поэмы, звучащую как контраст всего музыкального полотна, то кажется, Рахманинов пошел гораздо дальше Бёклина, пытаясь заглянуть за грань – в вечность, туда, где нет смерти. Правда, нужно отметить, когда мелодия доходит до кульминации, надежда всё же умирает. Тяжелые неумолимые аккорды обрывают иллюзию счастья.

Поэму Рахманинов написал в Дрездене в 1908–1909 годах, а посвятил он ее своему близкому другу, тоже композитору Николаю Струве. Произведение считается классическим примером позднего русского романтизма начала XX столетия. И это важный момент. Он прямо указывает на различия в мироощущениях Бёклина и Рахманинова. Первый был символистом, второй – романтиком. И если бёклиновский «Остров» – это трансцендентный покой, молчание, то рахманиновский – это экспрессия, сила, страстность и в то же время мрачность. Композитор здесь на себя совершенно не похож. Это произведение отличается от всего, что он написал ранее. Знаете, сегодня выходят монографии, в которых музыковеды доказывают, что «Остров» Рахманинова – пример символизма в музыке. Но мне кажется, эти доказательства не особо важны,

потому что любое произведение искусства по своей природе символично, в том смысле, что художник, создавая образ, не копирует действительность, а кодирует свое эмоциональное отношение к ней. Так что любой образ, даже самый реалистичный, символичен по своей сути. Но это уже из области философии искусства.

Мне кажется, среди наших читателей много романтиков, тех, кто влюблен в беспокойную поэзию, в музыку, наполненную чувствами, сильными эмоциями. А вот современникам Рахманинова всё это было не особо по вкусу. К композитору относились неоднозначно: обвиняли в «глухоте» и говорили с осуждением, мол, «как не стыдно писать тональную музыку, ведь уже появились Альбан Берг и Антон Веберн. Это же неприлично!» Но разве можно себя сломать, если ты понимаешь, что авангард – не твое? Множество композиторов не смогли перейти в новую «религию». К примеру, тот же Ян Сибелиус говорил: «Не каждому суждено быть гением, изобретающим что-то новое». А Рахманинов в 1939-м написал в дневнике: «Я чувствую себя призрак, блуждающим по чуждому миру. Я не могу отказаться от старой манеры письма и не могу принять новую. Я старался почувствовать современную музыкальную манеру, но она мне не подошла... не могу враз изгнать моих музыкальных богов и преклонить колени перед новыми».

Сегодня, на расстоянии, мы понимаем, какое счастье, что Рахманинов остался верен себе и не превратился в модерниста. Если откровенно, я не представляю, что бы он тогда писал...

Премьера симфонической поэмы «Остров мертвых» состоялась в Москве 18 апреля 1909 года. Оркестр тогда возглавил автор. А после премьеры критик и музыковед Юлий Энгель написал: «Проникнут музыкой и бёклиновский “Остров мертвых”. Эти тихие заводы, загадочные стены-скалы, к которым медленно подплывает ладья с тенью усопшего, эти колоссальные кипарисы, верхушки которых чернеют на фоне бледной зари, мерцающей над обителью мертвых. И музыка Рахманинова прекрасно вводит нас в это таинственное, манящее жуткое царство. Но затем фантазия уносит композитора дальше живописца или, вернее сказать, в сторону от него. Вместе с занимающейся зарей Рахманинов хочет заглянуть по ту сторону бёклиновских стен – в самую обитель мертвых. И, заглянув, видит там не сумерки жизни, а чуть ли не дантевский ад и чистилище, с терзаниями и отчаянием». Лучше Энгеля и не скажешь.

